

The background of the cover is a painting of a rural landscape. In the foreground, there are several haystacks covered in green grass, with some yellow leaves scattered around. The middle ground shows a line of trees and a few red-roofed buildings. The sky is filled with dramatic, swirling clouds in shades of blue, white, and grey, suggesting a storm or a dramatic day.

Степан Лукиянчук

Манькин
хлеб

Рассказы

Степан Лукиянчук
Манькин хлеб. Рассказы

«Издательские решения»

Лукиянчук С.

Манькин хлеб. Рассказы / С. Лукиянчук — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902275-2

В первом разделе сборника рассказов юные герои активно исследуют мир разными способами. Это происходит через предметы (конфетки, море, цветок, телефон, храм) или отношения (дед, школа, любимая женщина). 2-ой раздел посвящён событиям тоже ярким, но тяжёлым одновременно. Герои рассказов вынуждены жить и трудиться в невольных условиях на ограниченной территории. Преодоление внутреннего конфликта через конфликт внешний выражает общее стремление к свободе.

ISBN 978-5-44-902275-2

© Лукиянчук С.
© Издательские решения

Содержание

Раздел 1. Море в Штормовом	6
Конфетки-то заморские	6
Море в Штормовом	7
Комар-обманщик	9
Последние дни августа	12
Вожделенный «порт!»	13
Ты меня любишь?	15
В память о простом необыкновенном человеке	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Манькин хлеб

Рассказы

Степан Лукиянчук

© Степан Лукиянчук, 2018

ISBN 978-5-4490-2275-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Раздел 1. Море в Штормовом

Конфетки-то заморские

Помню в далёком детстве – коммунистические времена тогда ещё были – родители мои где-то по благу в какой-то организации раздобыли килограмм или два конфет шоколадных в бело-синих хрустящих фантиках (советские были упакованы в бумажно-картонных обёртках – серые, блёклые, будничные). Так как я в семейном кругу славился вороватым характером и любил «сунуть нос» туда, куда не следует, мне сразу официально объявили: «Под страхом смертной казни!..» Конфетки-то были заморские: «Из Прибалтики!» – сказали, что надо приберечь на Новый год, на стол. И всё бы ничего, только совершили большую ошибку: снизили к моим слабостям и как самому маленькому выдали одну штучку – «на раскус!»

Конфетка оказалась такой потрясающе вкусной, так ласково она плавала у меня за щекой, что после этого я не одну неделю к ряду выслеживал тайник-схрон, куда от меня запрятали эти чудные конфетки. Ну, всё облазил: все шкафы, серванты, тумбочки, перерыл-перещупал всё бельё в комодах, все шубы, плащи, пиджаки – нет нигде! И вот однажды (на беду мою) неловко перевернул одну из коробок на кухне (со специями, макаронами, крупами). И вывалилось оттуда моё греховное счастье!

Ой, Стёпка, Стёпка, знал ведь ты зараза, что бить больно будут за конфетки эти заморские... Но подумал, что одной меньше, одной больше – не заметят! Стянул. Проглотил. О-о! На следующий день не выдержал и стянул ещё одну. Через день ещё две... И пошло – поехало! Когда уже дело далеко зашло и поздно было останавливаться, подумал: «Пропадай, моя душа!»

Вандала Стёпку... можно было уже не останавливать. На Новый год уже всё равно не хватило бы. Раскрыли меня банально, как в плохой детективной истории: выпала однажды из кармана цветастая заморская обёрточка. Время в тот миг для меня как будто остановилось: так медленно и завораживающе падала эта порхающая бело-синяя обёрточка. И у всех на глазах. Обомлели все: где взял?! Само собой – разве настоящий шпион «расколется»? Догадались, кинулись в кухню к коробочкам, а там несколько конфеток только «фигушки кажут».

Ох, и устроили же мне Новый год посреди лета!.. Долго во мне «аукался» этот «праздник». Особенно, когда садился на стул.

Море в Штормовом

Штормовое? Это небольшое местечко в Крыму, недалеко от Евпатории – конечная цель нашего, моего путешествия. Я, мои родители, дядя с тётей, и двоюродная сестра Галя проделали невероятный путь из г. Апостолово, что на Днепропетровщине, сюда, в Крым, в тесной неудобной «Нивушке» по пыльной дороге, жаре снаружи, духоте внутри салона машины...

Как только раскалённый автомобиль притормозил на краю базы отдыха, я, выдавив коленками дверцу багажника «Нивы» (тесноте салона я предпочёл сравнительно просторное багажное отделение), легко перепрыгнув через крепление прицепа, понесся к манящей прохладой и свежестью бездне синевы. Я нёсся по пляжу, размахивая так и не обутыми сандалиями, оставляя за собой облачко пыли, брызги белоснежного песка, и орал во всю свою четырнадцатилетнюю юношескую глотку: «Ур-ра, море... море!!!»

Толстые загорелые мужики-мажоры, стройные, прекрасные, полуобнаженные женщины, девушки стоящие, сидящие, лежащие по всему периметру пляжа, из-под зонтиков, навесов, шляпок, панамок испуганно-недоуменно-рассерженно по причине сильного шума, крика, поднятой пыли, оборачивались на меня, крикливого и суматошного, и провожали растерянными взглядами. Эффект от зрелища усиливался тем, что за мною следом летела моя сестра Галюня, которая в последние дни подражала мне буквально во всём. Успела ли она заметить очаровывающую синеву моря, широкой полосой разрезающую голубое безоблачное небо и ослепительную песочную белизну земли? Она летела вслед за мной, умирив рукой непокорный воздушный подол платья: «Стёпа, Стёпа, подожди меня!»

Юноша-мальчик и красивая с черной, как смоль, косой девушка-подросток неслись по запруженному людскими телами пляжу, внося сумятицу и переполох в это разомлевшее от жары, ленивое, полуподвижное царство млеющей праздности.

На ходу бросив сандалии, я влетел в освежающую солоноватую массу. Не нырнул, а прямо врезался со всего разбега в чернильную синеву – в панаме, футболке и шортах. Подводный мир ласково принял меня в свои объятия и накрыл с головой. Под водой, ощутив потрясающую эйфорию, я развел руки и ноги в стороны, будто бы не море меня поглотило, а я сам хотел невероятным образом впитать его в себя, выпить всё до дна. И уж было раскрыл рот... – я ведь привык к пресным водоёмам – кошмарная солёная горечь заполнила его полость. Поперхнувшись, инстинктивно выдохнул воздух из лёгких и, толкнув дно ногами, вынырнул на поверхность. Волны неспешно накатывали на меня одна за другой, раскачивая моё тело, как поплавок. Они то поднимали меня, то опускали так, что мои ноги касались дна. Я было пустился вплавь, но на поверхности из-за волн плавать было не очень удобно. Мне показалось менее утомительным преодолевать сопротивление моря нырками под волну.

Я заплыл уже далеко. Чайки кричали над моей головой, расправив свои ломаные углом крылья. Небо, чайки и синяя колышущаяся твердь: возможно, таким однажды увидел древний Ной лицо Земли, выглядывая из своего корабля-ковчега. Обернувшись лицом к берегу, среди множества копошащихся людей я с трудом отыскал фигурку моей сестрёнки, исчезающую из моего поля зрения и появляющуюся вновь, как только очередная волна возносила меня на свой гребень. «Трусиха» – она так и не решилась последовать за мной в воду! Приподняв подол платья, Галя одиноко прогуливалась по кромке воды. Почувствовав, что я смотрю на неё, она отчаянно замахала руками, призывая меня скорее на берег. Долго упрашивать себя я не заставил: море утомило меня и с непривычки от солёности воды меня начало подташнивать. Обратный путь оказался быстрее и легче. В последний раз нырнув под воду, я был подхвачен настигающей волной и бережно поднесён к ногам моей сестрицы.

Подавая мне сандалии, Галя с укоризною, – как всегда нежною, доброю, – обиженно произнесла:

- Как тебе не стыдно: ты уплыл в море, оставив меня здесь совсем одну!
- Мокрый и счастливый, улыбающийся, я приобнял сестру и прошептал ей на ушко:
- Ах, Галюня... ты меня просто не понимаешь сейчас!

Комар-обманщик

С комариками я давно общий язык нашёл. Помню, в детстве ходили с дедом на покос, сенокосили. Рано утром ещё ничего: жары нет, косить хорошо! Ближе к 10—11 часам солнце начинает припекать. Ну, и раздеваешься, конечно, по пояс, потому что невмоготу становится. Оборачиваешься на деда – даже жалко его становится: весь замотанный с ног до головы белыми тряпками, как мумия, одни очки с большими линзами из-под одежды выставляются. «Де-ед! – кричу ему. – Де-да! Разматывайся, упреешь ведь!» Он отчаянно мотает головой, косит дальше.

Ближе к полудню идём в тенёчек под березку обедать, потом отдыхать. Я налегке, голый по пояс, без головного убора. Ветер освежает, ласково обнимает меня со всех сторон. Иду, мне весело и легко, устал, но усталость радостная такая! Дед сзади еле плетётся, пыхтит тяжело в тряпки свои. Садится под берёзку в тенёчке, начинает разматываться. Комарьё и паутьё и здесь от него не отстаёт. На деда смотреть и жалко, и смешно: замотанный, как Абдулла, в надежде спастись от насекомых, он разматывает свою «чалму», которая, несмотря на предосторожности, вся в кровяных точках. Его лицо краснющее-прекраснющее уже заметно опухло от укусов. Дед сквозь очки рассматривает размотанное бельё и удивляется: «Ты посмотри, даже через тряпицу прокусили! Хоть перед смертушкой крови дедовой вдоволь вкусили... Эй-эх!» – шлёпает по шее, размазывая ещё одного кровопийцу. «Вкусный что ли я? Погляди, меня всего облепили, а к тебе, Стёпик, хоть бы один подлетел!» – он видит, что мне весело, и, я смеюсь, глядя на его опухшее лицо, начинает улыбаться сам.

Пообедали. Деду надо отдохнуть, поспать час-два. К вечеру жара спадёт, станет прохладнее. Дед намазывается «Комарином», накидывает на себя тряпки: «И ты бы, Стёпик, отдохнул!» Ага, отдохнёшь! Пока отдыхает дед, его всего искусают, он опухнет, глаза не разлепит потом. Бабушка опять ругаться будет на него! Дед улётся, засопел. Я нарвал веник из берёзовых веток, обмахиваю от комаров дедушку.

Комарьё-ворьё как будто со всего покоса к нам слетелось, они пищат да лезут на деда, берут количеством. «Вы чего, говорю, одурелые, на дедушку моего набросились, уже всего искусают?! Меня почему не кусаете?» Комары пищат-говорят: «Твоя кровь невкусная, примесь в ней украинская есть – она для нас как отравка. На Украине комаров нету, не приспособлены мы к твоей крови, за версту комариную её чуем и шарахаемся. А вот у дедушки твоего кровушка чисто русская, не разбавленная. Она для нас, кровососов, как парное молочко будет! Вот мы и кусаем твоего деда, а тебя не трогаем!»

Вижу, не справляется мой берёзовый веничек с их оголтелой оравой. Дедушка сквозь сон постанывает, когда в очередной раз какой-нибудь комар-гусар впивается в его кожу. Думаю: надо что-то сделать, дедушку выручать. Со злости хватаю прямо на лету самого наглого гусарчика в ладошку, попримял его немного. Разжал пальцы, смотрю, контузило малость комарика-то: свалился на бочок, лапками задрыгал.

«Ну, говорю, Комар Комарыч, молись скорее своему богу комариному, смертушка твоя настаёт!»

Возопил тут комарик некомариним писком: «О великий и непобедимый Блейд! (Это из фильма про вампиров. Фильм так и называется «Блейд» – он воевал против вампиров и побеждал их). «О великий и непобедимый Блейд! Не казни меня, пощади! За жизнь свою я раскрою тебе наш комариный секрет, как с нами бороться!» – О великий непобедимый Блейд, прошу тебя, пощади! Дома у меня в комарином логове осталась красавица-комариха и совсем маленькие комарики. Если ты меня сейчас раздавишь, кто будет добывать им пищу? Они погибнут! – в истерике пищал уже бывший гусар Комар Комарыч.

– Если твои комарихи со своими комариками питаются кровью моего дедушки, то если они умрут с голоду, мне нет до этого никакого дела. – Стёпик ткнул соломинкой в раздувшееся красное пузо комара так, что на хоботке вампира-пискуна выступила капелька крови.

– Ой-ей-ей! – заверещал комар, обливаясь холодным потом. – не делай этого, пожалуйста! Если тебе не жалко оставить вдовой мою прекрасную комариху и осиротить моих детёнышей, то, как пишет Наполеон Хилл в своей книге «Думай и богатей!»: «Я раскрою тебе СЕКРЕТ!» – последние слова комар как-то таинственно-зловеще прошипел.

Стёпик несколько секунд тупо с недоумением смотрел на комара, а затем вдруг загоготал во всё горло:

– Приколльно, я и не знал, что комары умеют шипеть! А ну, давай ещё, ать-ать-ать! – Стёпик принялся снова тыкать соломинкой в комариное брюхо.

– Ой, что ты делаешь? Щекотно!.. Хи-хи-хи! Не могу больше, перестань! – Комар Комарыч извивался на ладошке у мальчика, уморительно дрыгал ножками. – Перестань, говорю, а то ты меня заморишь, и я не успею тебе рассказать секрет!

Стёпик вспомнил о мучающемся дедушке и о том, что он вот-вот может превратиться в большого комара-кровососуна. «Да, как-то не по сценарию мы с комариком тут забавляемся», – подумал Стёпик. – «А что если дедушка действительно превратится в кровососуна? Где мы тогда с бабушкой достанем столько крови? Придётся каждый день водить дедушку к колхозному стаду коров... А лучше мы бы по ночам лазили с дедом к Гришке-драчуну в хлев. Дедушка бы выпил у егошней коровки всю кровь, и она перестала бы давать молока. Гришка станетдохленьким без молока, и я бы его победил!» – замечтался мальчик.

– Нет, деда надо спасать! Как-то сложно всё получается, – Стёпик насупил брови и угрожающе поднёс к комару указательный палец. – Ну, говори, а то...

– Постой, постой, Гулливер, мы так и ни о чём не договорились. Ты обещаешь, что отпустишь меня к семье невредимым? Обещаешь?!

– Да. Говори свой секрет. – Стёпик придвинул ближе к комару своё ухо...

– Единственное, чего боятся все кровососущие на земле, – таинственно шептал Комар Комарыч. – Это Большую Жабу-Кваку. Даже всемогущий комариный король Писк XIV-ый, господин несметных комариных полчищ, побаивается её.

– Кто это Большая Жаба-Квака?

– О! Это царица всех земноводных. Она управляет всем! Все жабы, лягушки и даже тритоны признают её своей непререкаемой повелительницей. Её могучий «квак!» – абсолютный закон. Комариный король Писк XIV люто ненавидит Большую Жабу-Кваку, потому что все земноводные во множестве уничтожают насекомых, особенно редуют комариные полчища!

– Почему же тогда насекомые не объявят войну земноводным? Насекомых на земле столько много!

– Насекомые не могут объединиться – и в этом вся причина... Король Писк XIV считает, что кровососущие – особая каста в среде насекомых. Не только кровососущие, но и все насекомые должны поклониться ему и признать его единственным Королём королей насекомых!

– Круто берёт ваш король.

– Да, гордыни ему не занимать, и из-за этого страдают мои собратья...

– Я, конечно, сочувствую тебе, комар, и твоим собратьям-пискунам, но как всё то, о чём ты мне рассказал здесь, относится ко мне и к моему дедушке? – Стёпик грозно взглянул на комара. – Неужели ты думаешь, что я действительно такой лопух и за этот твой дурацкий секрет отпущу тебя? Ты разочаровал меня, комар!

– О человек, я и не догадывался, что насколько ты огромен, настолько же и глуп!

– Эй, полегче «газуй», «без пяти минут мокрое место»!..

– Я не хотел тебя обидеть, Блейд! Решение твоей проблемы я тебе уже подсказал: попроси помощи у Большой Жабы-Кваки, и комариные полчища оставят в покое твоего дедушку!

Тут комар неожиданно для Стёпика вскочил на ножки и, пискнув, улетел.

– Я оклемался, Блейд, мои ноги окрепли и крылья успели отдохнуть и налиться силой, – запищал Комар Комарович. – Знаешь, я ведь до конца не открыл тебе наш комариный СЕКРЕТ. Ты не узнал от меня самого главного. Это главное сделало бы тебя могущественным Блейдом, и могло бы поставить под угрозу нашу комариную популяцию. Хотя ты мне нравишься, человек, но я не могу раскрыть тебе нашу самую главную тайну. Я помог тебе, подсказав способ, как избавить твоего дедушку от укусов, чтобы он смог спокойно отдохнуть. Это всё, что я могу для тебя сделать. Прощай!

– Постой, комар! – закричал вслед улетающему комару Стёпик. – Ты мне не сказал, как найти мне эту самую Большую Жабу-Кваку!

– Там, в конце луга на опушке леса, в болоте. Там её царство!.. – донёс ветер последние слова комара.

Последние дни августа

Я проснулся очень рано, когда солнце ещё не взошло. В окна пробивался неясный сумеречный свет увядающей ночи. Я лежал в постели, и у меня появилось желание выйти на улицу и посидеть в беседке в саду.

Этим ранним утром, как, впрочем, и в предыдущие дни, выпал сильный туман. Уже по опыту я предчувствовал безоблачный, солнечный тёплый день. Я полуприлёг на скамье в беседке и стал глубоко вдыхать освежающий воздух клонящегося уже к закату августа.

Светало быстро. Солнце ещё не взошло, но его лучи уже скоро собирались разлиться по дремлющей земле жёлтой рекой.

Сегодня туман был очень богатый. Он был настолько густой, что утренние лучи восходящего солнца совсем не могли протиснуться сквозь его пелену. Восход угадывался лишь потому, что лёгкий сумрак утра рассеивался и гуща тумана, осветляясь, становилась ещё плотнее.

Стояла тишина, и даже птицы в округе не смели нарушать её глубокого покоя. В паре десятков метров от меня было совершенно невозможно чего-либо разглядеть. Трава, близстоящие деревья сада, темнеющая стена дома – очертания окружающих меня предметов растворялись в белоснежной вате.

Пронзительно вглядываясь в туман, я сделал для себя потрясающее открытие: оказывается туман – тот же самый дождь, только мелкий! Если всматриваться в туман внимательнее, то можно различить почти невидимые, почти невесомые капельки, которые как всколыхнутая пыль хаотично мнутятся в воздухе. Эти микроскопические капельки влаги были настолько мелки и невесомы, что, носясь в воздухе то вверх, то вниз, никак не могли приземлиться на землю. Вокруг меня их носилось невообразимое количество, миллиарды миллиардов, поэтому и создавалось впечатление, что туман – это облако, спустившееся с небес на землю.

Всё же со временем туман начал потихоньку рассеиваться. То ли мелкие капельки, соединяясь друг с другом и отяжелевая, выпадали в обильную росу, то ли солнечные лучи, согревая, растапливали молочную гущу. Очертания предметов становились всё чётче и яснее, появлялись цвета, природа как будто пробуждалась от сна. Близлежащий лес заливался птичьим пением. Я поднялся, вышел из беседки, снял тапочки и голыми ногами пошёл по мокрой прохладной траве. Это необыкновенно освежало, вливало в тело бодрости и силы. Меня охватил неопишуемый восторг!

Ослепительно яркое солнце оторвалось от кромки леса и, будто бы оттолкнувшись, неторопливо поплыло по кристально чистой голубизне неба. Где-то в вышине, медленно кружа, парили над землёй два острозорких ястреба.

Лёгкий ветерок нежно шевелил листья садовых деревьев. В траве стрекотали тысячи кузнечиков. День начинался великолепно!

Последние дни... это были блаженные, райские, восхитительные последние деньки уходящего за горизонт августа...

Вожденный «порт!»

В нашем посёлке сотовая связь появилась примерно где-то в начале 2005 года. И первый телефон, который я освоил, был телефон жены (я даже марку его помню: «Simens60»). Он был синего цвета с корпусом, немного сужающимся книзу. Телефон был один, а нас двое. И в этом была определенная проблема. Эти побрякушки для нашей местности были в новинку. И ей, и мне хотелось поиграть. По большому счёту, звонить-то ещё было некуда и некому, поэтому мы забавлялись встроенными в телефон играми, осваивали разные опции и доносили оператора по всякой ерунде. Потом начали переписываться SMS-ками с родственниками, «обрастали» телефонами своих знакомых (посёлок охватывал настоящий мобильный бум!).

Открывались мелкие торговые точки подержанных телефонов. Потом и платежи стали принимать прямо в посёлке. До этого приходилось ездить в город. В конце концов я решил прекратить монополию жены, которую она иногда использовала в качестве метода лоббирования своих интересов, и купил себе новый телефон «Моторолу С350» за 3500 рублей. Деньги, заплаченные за телефон, были сопоставимы с моей месячной зарплатой на заводе, но и телефон тогда считался новой моделью.

С постепенным познанием мира мобильных телефонов я, досконально исследовавший и внешности и «внутренности» (имею в виду программное обеспечение) своего и женина телефона, долго не обращал внимания на красную деталь, вмонтированную сбоку в корпус телефона жены. Я думал, что это простая деталь телефонного интерьера. Каковы же были мои удивление, радость и восторг, когда я узнал, что это за деталь и какие бонусы она нам сулит!

Однажды рассматривая телефон своего приятеля, я наткнулся на его телефоне на точно такую же красноватую детальку интерьера, но только другой конфигурации. Так, между делом я спросил его о ней. Он также буднично ответил мне, что это инфракрасный порт. Я заинтересовался подробнее, для чего нужен этот самый инфракрасный порт. И просто ошалел от непредумышленного игнорирования тех возможностей, от колоссальной экономии денежных средств, которые открывал нам этот замечательный «портик»!

Тут же стрелой помчался домой, не обращая внимания на женины вопросы и активные протесты, экспроприировал её телефон (в моём-то инфракрасного порта не было) и в мгновение ока явился опять «коньком-горбунком» или «сивкой-буркой» – кому как интереснее – пред лицом своего приятеля. Короче говоря, при помощи инфракрасного порта я под завязку нагрузил телефон жены (сколько памяти хватило) играми, музыкой, заставками и прочей виртуальной мишурой. То, за что мы раньше платили деньги и на что мы тратили уйму нервов и времени, теперь доставалось нам неограниченно, в считанные минуты, а главное, совершенно бесплатно! При помощи той самой неприметной красноватой части телефона – инфракрасного порта!

Единственное, что нас ограничивало и ежедневно составляло предмет нашего расстройства – конечный объём памяти телефона. Среди моих знакомых росло число тех, у кого был телефон с инфракрасным портом – мои знакомые знакомили меня со своими знакомыми – время от времени мы перезванивались, встречались, обменивались новинками. Это было очень удобное и выгодное союзничество: платил один, а пользовались все!

Как я уже успел обмолвиться, на моей «Мотороле» не было инфракрасного порта, хотя я считал, что мой телефон был хотя бы на мизинчик лучше телефона жены (скорее всего это так и было). Поэтому меня очень огорчало необъяснимое отсутствие подобного инфракрасного порта на моём телефоне. Тогда я ещё не знал, что в моей «Мотороле» всё-таки был порт, но не инфракрасный, а USB. Впрочем, знание об этом не сделало бы меня существенно счастливым: среди моих знакомых не было владельцев телефонов с USB-портом, а для того, чтобы что-либо перекачивать из компьютера, в нём (в компе) должна была быть установлена

специальная программа для переформатирования. К тому же в скором времени мне пришлось продать свою «Моторолу», в которой, помимо прочих достоинств того времени, был хороший фотоаппарат с возможностью наложений различных эффектов.

Долго по этому поводу (продажи телефона) я не печалился и через месяц приобрёл «раскладушку» «Самсунг» Е-700, у которого также была замечательная камера, отличная полифония, просто классная звуковая карта и вожденный инфракрасный порт!

Ты меня любишь?

Той, которая заставит биться вновь моё окаменевшее сердце...

Словно судорогой пронзило их тела: сначала её, а через мгновение сразу его. Вскрик, переходящий в прерывистый долгий стон, вырвался из груди женщины. И мужчина не в силах был удержать его в себе, иначе бы сердце разорвалось на части. Что томило, копилось, еле сдерживаемое, просилось наружу, сладостно мучило обоих – выплеснулось невероятным разрядом энергии, которая передавалась от него к ней и от неё к нему – захватила их обоих, закружила в неистовом блаженстве, в невыразимом экстазе; пошла волнами, заставляя трепетать каждую клеточку организма.

Она горячо прильнула к нему – доступная, раскрытая, побеждённая... Срывающимся в рыдании голосом умоляла прижать её к себе, обнять как можно крепче, изо всех сил. Она желала слиться с ним, раствориться в нём.

– ... Или я сойду с ума, я умру... – шептала она иссохшими от жаркого дыхания губами.

Она несколько не сомневалась в этом, не преувеличивала – она себя ощущала так, что душа вот-вот покинет её тело и погибнет. Пусть она оставит этот мир именно сейчас, в это мгновение. Она согласна была умереть с покорностью тысячу раз, только бы смерть была похожа на переживания этой минуты.

Он прижал её к себе, как мог прижать в порыве страсти только любящий мужчина. Он стиснул её так, что испугался раздавить хрупкое тело под собой. А она лишь жалобно выдохнула из себя голосом.

До встречи с ней он не жил. Наверное, он был мёртв. Она пришла и оживила его. Жизнь была – бытие холодного камня, сорвавшегося с высокой скалы в бездну моря, опустившегося на дно. Наверху море бушевало и возмущалось, а на дне едва ощущалось волнение воды.

Постепенно сладкая боль утихала. Напряжение отступало мелкими осторожными шажками, объятия становились слабее, тела наливались усталостью и негой. Сколько прошло времени, они не знали. Оно замерло для них, не имело никакого смысла, никакого бы то ни было значения. Медленно высвободившись из её объятий, он откинулся на спину. Она положила голову на его плечо, повернулась к нему лицом, погладила по груди. Их губы нашли друг друга и заплелись в продолжительном поцелуе.

Им было хорошо вместе. Это знал он, это знала она. Какое удовольствие получать признание в любви от мужчины, которому принадлежишь вся без остатка. Это жизненная потребность женского естества: принадлежать ему и ощущать себя любимой.

– Ты меня любишь? – ему послышался тихий шёпот ветерка, зашелестевшего осенними листьями в сумраке комнаты.

Он ответил не сразу, просто не знал, как выразить одним словом то, что чувствовал сейчас.

– Очень...

– А я тебя больше! – он улыбнулся тому, с какой детской наивностью и в то же время несомненной серьёзностью это прозвучало.

– Ты не можешь любить больше, потому что больше меня – никто любить не может. – Она повела волосами по его плечу. Он угадал улыбку и на её лице.

– ... Никто, кроме меня! – прошептала она.

Мерно постукивали ходики на стене. Стало слышно, как блуждающая в ночи машина, шурша по асфальту протекторами, медленно проплывала в этот поздний час по застывшей улице за окном. Тогда на стенах и потолке появлялись и исчезали причудливые тени. Затем всё снова погрязло в безмолвную тишину ночи.

... Он бережно целовал её губы, глаза и лоб, щекотал уши, ласкал шею. Она лежала и блаженствовала. Когда её переполнял восторг, и она не могла больше сдерживать себя – короткий смешок срывался с её уст. Она инстинктивно жмурилась, прятала лицо и шею. Тогда он начал ласкать груди и нежный живот.

– Я чувствую себя самой счастливой на свете!

– Это правда, ведь тебя люблю я! – шептал он ей на ушко. – Я счастлив, когда счастлива ты. А я счастлив.

– Милый... – их губы слились. Это были не поцелуи – они пили друг друга!

Он почувствовал, как по её щекам покатились слёзы.

– Что ты?

– Это я так, по-женски... прости меня!

– За что, глупенькая?

– За то, что я не умею быть достойной тебя.

Он отстранился, пытаясь в свете уличного фонаря, пробивающегося сквозь задёрнутую штору, рассмотреть выражение её глаз. Но увидел только их блеск и мокрый след на щеках.

– Это ты меня прости, что чувствуешь себя такой, – сказал он. – Это моя вина!

Она притянула его за шею и обняла. Слёзы обильнее покатились из её глаз. Он ощутил их теперь и на своих щеках. Не выдержав этой муки, он ртом начал ловить каждую слезинку, источаемую её очами.

– Ты никогда не должна больше плакать, – он почувствовал, как что-то перехватывает его дыхание. – Ты не должна плакать – слышишь? Ты должна быть всегда радостна и счастлива!

– Дурашка, это я именно от радости и счастья! – улыбка засветилась на её лице. – Ты моё солнце и ясный свет! Я дышу и живу только тобой... Я боюсь тебя потерять; я боюсь думать о том, что когда-нибудь тебя не будет рядом со мной.

– Ты не должна так думать, это плохие мысли. Я всегда буду рядом.

– Обещаешь?

– Клянусь тебе!

Он лёг и положил её голову себе на грудь, укутал одеялом.

– Послушай, что я тебе расскажу, – сказал он. – Запомни это навсегда и никогда не смей забывать. Ты слушаешь?

– Да!

Обняв вместе с одеялом, он убаюкивал её на своей груди, будто маленькую испуганную девочку. Она слушала и изредка ещё продолжала хлюпать носом; удивлялась и радовалась тайне, которую он ей открывал.

Он рассказывал ей о дивных мирах и дальних странах; о Солнце, что встаёт на востоке, наполняя своей энергией Землю; о Луне и сверкающих Звёздах, которые наблюдают за ними в час ночной. Он говорил ей о глубоких морях-океанах и неприступных снежных вершинах; о прозрачной синеве небес и парящих в пушистых облаках гордых птицах; о бескрайних просторах земли и наполняющей её бесконечным разнообразием жизнью. Тайна, которую он раскрывал перед её внутренним взором, потрясала всё её существо. Она позабыла обо всех тревожащих переживаниях и расстройках, угнетающих душу. Мрачные думы покинули её мысли.

Он открыл ей, что во всём белом свете для него имеет значение только лишь она одна; что всё существующее в этом мире создано и принадлежит только ей. Он завоевал всю Вселенную с её именем на своём боевом щите. Он покорила весь мир и заключил его в своём пылающем сердце, которое вырвал из своей груди и положил к её ногам. Она стала его обладательницей, а он сделал её своей королевой.

Много ещё удивительного и прекрасного она услышала бы от своего любимого мужчины, но сон подкрался и овладел ею. Она забылась на его груди, убаюканная лаской и добротой, исходящими от его родного голоса.

Он внимательно следил за её ровным дыханием, старался дышать в унисон ей, чтобы ненароком не пробудить её. Он знал, что она его не слышит, но продолжал говорить полусшёпотом больше самому себе. Он клялся в любви и верности той, которая завладела его сердцем навсегда. Он бдел и охранял её безмятежный сон до тех пор, пока утомление не достигло его самого. Он склонил голову, и её шелковистые тёплые ароматные локоны окутали его лицо.

Им обоим снилось одно и то же сказочное сновидение. В нём она видела себя королевой и повелительницей мира, преподнесённого к её ногам. В ладошках она держала трепещущее сердце своего возлюбленного, разглядывая заключённую в нём таинственную бесконечность Вселенной. А он, её мужчина, властвовал над ней и был безраздельным господином её судьбы.

Этим безумно влюблённым друг в друга далёким детям Адама и Евы предстоит ещё многое испытать на своём пути. Не стоит сомневаться, что преграды и тернии разрушатся, уступая дорогу могущественной волшебной силе двух любящих сердец, шествующих по жизни рука об руку.

Кто посмеет сказать, что не бывает истинного счастья?

Кто дерзнёт произнести хульные слова на высшую ценность человеческих отношений – верность своему любимому до последнего издыхания?

Кто осмелится утверждать, что Любовь не имеет власти воскрешать?

... тот когда-нибудь с ужасом осознает, что вся его прошедшая жизнь – бытие холодного камня, однажды сорвавшегося в бездну моря с высокой скалы.

И дай-то Бог, чтобы на горизонте появилась та единственная – та, что дыханием своей любви согреет, оживит и заставит учащённо биться окаменевшее, когда-то бесчувственное, мужское сердце.

В память о простом необыкновенном человеке

*Да, без веры в Бога, мужество не может быть, ибо человек сотворен по образу и подобию Божию. Хоть атеисты и мужественные есть, но их мужество не нормальное, болезненное, от отчаяния, от гордости и от тщеславия.**

Валаамский старец схи-игумен Иоанн Алексеев (+1958)

То, что им довелось потерпеть за свою долгую и тяжёлую жизнь, выпадает пережить на долю отнюдь не каждого поколения. 1941—45 гг. для нашей страны были, пожалуй, самыми страшными и самыми опасными за всю многовековую историю.

Проходят годы. Уже шесть с половиной десятилетий на Руси не слышны свисты падающих бомб, скрежет гусениц танков, визг пикирующих самолётов... А самое главное, не слышна наглая, дерзкая, бранная речь фашистов.

Благодаря усилиям миллионов людей, в груди которых горел священный огонь отмщения за скорби и боль попранной кованым сапогом врага родной земли, мы, откровенно говоря, не совсем благодарные потомки героев, имеем высочайшее право на свободу вероисповедания – ПРАВИЛЬНОЕ ПРОСЛАВЛЕНИЕ Бога. Вера, которую проповедует Православная Церковь, несмотря на то, что Истории государства был попушен значительный период безбожничества, возрождается в наши дни. Всё возвращается на круги своя, неизбежно по неписаной формуле созданное творение, – многосогрешившее и кающееся, – стремится возвратиться к Нетварному Свету, дарующему ему бессмертие.

Россия вновь поворачивается лицом к Богу и ищет Его. По-иному и быть не могло, потому что пробудившиеся зёрна Православия, унаследованные нами, крепкими невидимыми нитями духовно связывают нас с благочестивыми поколениями предков. Согласно тому же небесному закону история, современная и будущая, если только мы хотим пожить «во всяком благочестии и чистоте», ** не может существовать отдельно от многовековой истории великой христианской Руси.

Ежегодно в нашей стране и во всем мире празднуется окончание самого жесточайшего конфликта между людьми. Прославляется мужество и храбрость павших, чествуются выжившие ветераны. Но когда в жизни лицом к лицу сталкиваешься с реалиями быта этих героев, то как-то невольно бросается в глаза чересчур резкое несоответствие пафосно-торжественного праздничного парада на Красной площади в День Победы с бедностью, несправедливым и неуважительно-пренебрежительным отношением общества к людям, которые эту самую Победу завоёвывали, не считаясь со своей жизнью, и подарили нам.

Как ни странно и неудивительно, но обе эти реальности благополучно уживаются в современной социальной среде – официальная и неофициальная – при этом мало кого, по большому счёту, настораживает это обстоятельство. Почему-то о насущных нуждах стариков мы вдруг экстренно вспоминаем в канун Дня Победы. В другое время обычно всё остаётся по-прежнему.

А давайте-ка, для примера, попробуем вспомнить навскидку дату окончания войны 1812 года, её значимые битвы, кроме Бородина? «К чему здесь упомянуто о войне с Наполеоном?» – спросит кто-нибудь. Знаете ли, полезно будет провести некоторую параллель между двумя войнами: обе были кровопролитнейшими, бескомпромиссными, в обеих государству угрожало тотальное уничтожение, обе были наречены Отечественными. Потому что в обеих войнах Россия потерпела колоссальный урон, в народе просиял массовый патриотизм, охвативший все слои общества, были явлены исключительные примеры жертвенности частным во имя воцарения долгожданного мира на родной стороне. Только промежуток времени, истёк-

ший со дня их окончания, да живость памятования доблести павших в сердцах потомков существенно различают эти войны.

Беспокоит, что уже народилось поколение, которое с трудом припоминает дату начала Великой Отечественной войны, вряд ли сможет перечислить судьбоносные баталии, громкие имена прославившихся полководцев. Не угрожает ли нашей исторической и нравственной памяти оскудение? Пройдут полтора-два столетия, и не случится ли так, что уже в свою очередь наши потомки, подобно как мы теперь о войне 12-го года, с неопределенностью будут отвечать на вопросы о Второй мировой войне? Может произойти и худшее, признаки апокалиптического времени налицо: морально-нравственные критерии переворачиваются «с ног на голову» – и вот враги становятся героями, а настоящие герои – врагами! На Украине фашист Бандера с подачи первых лиц государства (!) воспевается как национальный герой, борец за независимость. В Прибалтике легионеры карательных дивизий СС по статусу приравнены к ветеранам Великой Отечественной войны. Даже в стране, опрокинувшей фашизм, на страницах пособий для предмета «Обществознание» находится место цитатам из запрещённой книги А. Гитлера «Моя борьба» под видом пока «альтернативного мнения»! *** Складывается впечатление, что под прикрытием права на свободу выражения мнения повсеместно умышленно создаются прецеденты, направленные на то, чтобы посеять смуту в умах, опрокинуть сформировавшееся мировоззрение, расколоть единство в обществе. На фоне вышеперечисленного не покажется экстраординарным, если однажды в день рождения кумира неонацистов на площадях крупных российских городов замаршируют стройными колоннами, притом вполне легально, коротко остриженные славянские хлопчики со свастиками на рукавах и вскинутыми в приветствии ладонями? Абсурд? Однако...

Отложив все дальнейшие размышления по этому поводу на потом, я хочу начать писать о человеке, чья кончина, естественная по человеческой немощи, но оказавшаяся внезапной для меня, возбудила в голове моей рой мыслей, а в моём сердце приподнявшееся горькое покаяние. Я хочу написать воспоминание о человеке, который был для меня дорог; о человеке, на судьбу которого выпала в один и тот же момент и страшная и почётная обязанность выполнить сыновний воинский долг и с оружием в руках защитить нашу Родину, её честь и достоинство, её историю и культуру. Без сомнения, особым промыслом Божиим, на его долю выпало защищать, тогда ещё молодому и неверующему, но в конце жизни окрестившемуся, ту самую Веру Православную, которая испокон веков воодушевляла поколения простых людей на борьбу с врагом. Даже после долгих лет тяжёлых гонений эта вера неугасимым лампадным огоньком продолжала теплиться в сердце русского народа.

«Двадцать девятого марта не стало моего деда...» – как опустошающе звучат эти слова. Сердце дедушки Михаила остановилось в тот самый момент, когда меня рядом не оказалось. О скорбном событии известило письмо брата. Точно помню, что это был четверг, девятое апреля.

Ко мне в руки письмо попало только вечером, я раскрыл его и прочитал. Среди прочего незначительного глаза выделили одну лишь строчку, ударившую тысячью молоточками по вискам: «Дедушка умер 29 марта...» Я ещё раз прочитал письмо и остановил взгляд на этом предложении. Все события того дня потонули в темноте, одни лишь эти слова горели перед моими глазами.

В ту ночь я долго не мог уснуть, ворочался из стороны в сторону, думал и вспоминал. С дедушкой в силу жизненных обстоятельств мы не имели возможности видеться долгие годы. Время, ни на секунду не останавливая ход, мчало вперёд. Деду пошёл девятый десяток, и у меня, конечно же, не раз возникали мысли, что в любой момент может произойти нечто такое, что не оставит никаких шансов на последнюю нашу встречу. Но как-то глубоко и все-

рьёз я об этом не задумывался. Сколько себя помню, дед был всегда, а вот что будет, когда его не станет на белом свете – не было таких мыслей в голове.

Я лежал на кровати, вглядывался в таинственную темноту глубокой ночи, и в её бездонной пустоте мне иногда начинало мерещиться, что я различаю слабенькие, то появляющиеся, то исчезающие образы давно минувшего прошлого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.